

Казимир Баранцевич

Кляча

Казимир Баранцевич

Кляча

«Public Domain»

1909

Баранцевич К. С.

Кляча / К. С. Баранцевич — «Public Domain», 1909

«Знакомы ли вы, читатель, с теми отдаленными, укромными уголками столицы, вроде конца Песков, Коломны, набережной Обводного канала и проч., куда всеильный прогресс пока еще не мчится на всех парусах, а тащится себе потихоньку, постепенно, шаг за шагом, отвоеывая в свою власть и безлюдные, темные улицы, и кривые переулки? Смею думать, что нет. И если вам случится по делу, и притом вечером, отправляться в такие места, вы уже заранее, мысленно, населяете их всевозможными ужасами брянских лесов, созданными вашим напуганным воображением, а нанимая извозчика, наверно, пустите предварительно в ход все свои физиономические познания, с целью постичь, не смотрит ли этот простоватый парень, у которого, по народному выражению, «рождество шире масленицы», именно тем злодеем, которому надлежит подвести вас под нож или петлю...»

© Баранцевич К. С., 1909

© Public Domain, 1909

Содержание

I	5
II	7
III	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Казимир Станиславович Баранцевич

Кляча

*И схоронят в сырую могилу,
Как пройдешь ты свой жизненный путь, —
Бесполезно угасишу силу
И ничем не согретую грудь.*
Некрасов¹

I

Знакомы ли вы, читатель, с теми отдаленными, укромными уголками столицы, вроде конца Песков, Коломны, набережной Обводного канала и проч., куда всеильный прогресс пока еще не мчится на всех парусах, а тащится себе потихоньку, постепенно, шаг за шагом, отвоеывая в свою власть и безлюдные, темные улицы, и кривые переулки? Смее думать, что нет. И если вам случится по делу, и притом вечером, отправляться в такие места, вы уже заранее, мысленно, населяете их всевозможными ужасами брянских лесов, созданными вашим напуганным воображением, а нанимая извозчика, наверно, пустите предварительно в ход все свои физиономические познания, с целью постичь, не смотрит ли этот простоватый парень, у которого, по народному выражению, «рождество шире масленицы»², именно тем злодеем, которому надлежит подвести вас под нож или петлю.

Вот вы уселись в сани, внутренне призывая на себя милость божию, возница запахнул полость, взялся за вожжи и причмокнул. Кончено! Вы во власти судьбы. Лошадь трусит. Молчаливый парень сидит на облучке, и видно только, как подергивает локтями. Сквозь сизый туман зимних сумерек мелькают глухие переулки с масляными, далеко отстоящими друг от друга фонарями, какие-то псы яростно лают во мраке, тянутся бесконечные заборы с беспомощно приткнувшейся где-нибудь в углу фигуркой человека, и рисуются кое-где темные силуэты покривившихся деревянных домишек...

Какой контраст с тем, что вы только что видели! Широкие улицы ярко горели бесконечной двойной лентой газа, в бешеной езде по ним мчались кареты и сани, резкий звонок битком набитого вагона конножелезки неожиданно смешивался с мелодическим переливом бубенчиков нарядной, ухарской тройки, группы людей толклись на тротуарах, обгоняя друг друга, заглядывая под шляпки хорошеньких женщин, заходя в роскошно освещенные магазины и рестораны и толкаясь на ступеньках Пассажа, над гостеприимно открытыми дверями которого два огромных шара электрических фонарей бросали на мостовую широкие белые полосы света...

И вдруг холодный мрак зимней ночи, пустота и безлюдно. Какой ужас! Но вот вы увидели на углу улицы апатично стоящего городского, дальше вам встретился едущий шагом пикет казаков, и ваше робкое сердце начинает свободнее биться. «Слава богу, — думаете вы, — меры приняты, есть охрана. Извозчик, чего ты дремлешь? Пошел скорей!»

Но мне жаль вас, жаль за ваше трусливое неведение, ибо я вполне убежден, что бояться вам положительно нечего.

Бойтесь скорее дневного грабежа на ваших фешенебельных улицах, в какой-нибудь новоиспеченной, шикарно мебелированной банкирской конторе, в дверях которой величественный швейцар ласково снимет с вас шубу, а еще более величественный «банкир» с еще большей

---

² Подразумевается глупый человек, путаник, у которого все наоборот. Масленица была продолжительнее рождественского праздника.

ласковостью не задумается снять последнюю рубашку. Бойтесь этого испитого, юркого мальчишки, что вертится в уровень с вашим карманом в то время, когда вы, после сытного обеда, с сигарой в зубах, в благодушнейшем настроении глазете на картины и эстампы, красующиеся за зеркальными окнами магазинов Дациаро и Фельтена³, потому что этот мальчишка, в виде контрибуции за свою нищету и невежество, наверно, запустит ручонку к вам в карман. С этой целью он пришел оттуда, из недр темных улиц и пустынных переулков, где он живет, где вместе с ним живут все эти, быть может, грубые и дикие, но всегда сурово-честные мученики труда.

О, я не боюсь ни этих глухих улиц, ни кривых переулков, скажу больше, – я люблю их, потому что с многими из них я связан цепью отрадных воспоминаний беспечального детства.

Вот за углом забора, из-за которого далеко на улицу распространяет широкие ветви могучая береза, стоит городской. Теперь он сед, угрюм, и новая форма придает ему чрезвычайно воинственную осанку. Но я помню его много лет тому назад: он был весел, услужлив, большой охотник до выпивки и женского пола и сквозь пальцы смотрел на проказы юного населения улицы. Но времена переменчивы. Я прохожу мимо, он не кланяется мне, даже делает вид, что не узнает. Конечно, уж не попросит на «стаканчик», ибо он теперь не просто городской, а *наблюдатель*. А вон и сторож церковной часовни. Все такой же, как и двадцать лет тому назад, все в такой же кацавейке и не то скуфейке, не то какой-то странной шапке, маленький, небритый, подслеповатый, вечно вооруженный метлой, вечный, непримиримый враг собак, питающих, как известно, непреодолимую страсть ко всяким углам. Да, по наружности он не изменился, но в душе... как знать, может быть, и он тоже наблюдатель. И не переменялось тут только то, что по существу своему не могло так скоро перемениться. Так же, как и прежде, с другого угла церковной ограды, с тихой грустью в темных глазах, смотрит на вас вделанная в стену почерневшая от времени икона Богородицы, а листья берез и лип, как и много лет назад, приветствуют вас тем же дружеским, мелодичным шепотом. Все так же на площадке, сзади ограды, группируются по воскресным базарным дням бесконечные ряды возов с свежим сеном, здоровым запахом раздражая ваше обоняние и пробуждая в наболевшей, усталой груди давнишние, полузабытые мечты о спокойной деревенской жизни.

А по тихим, почти недвижным водам канала плывут неуклюжие барки с кирпичом и тесом, и прикрепленные к тонким жердям узенькие красные флажки весело реют на фоне яркого весеннего неба...

Нет, читатель, положительно я не боюсь этих улиц и люблю их, хотя и больною любовью.

---

³ Дациаро и Фельтен – владельцы магазинов на Невском проспекте, торговавших предметами искусства.

II

Когда, после долгого отсутствия, я снова появился здесь, стояла глухая зимняя пора. Безмолвно цепенели в туманно-голубоватом сумраке покрытые снегом улицы, а запорошенные деревья казались как бы вновь расцветшими белыми листьями. Движения никакого, людей почти не было видно, разве проедет баба на портомойню, волоча за собою водруженную на салазки корзину с бурым бельем, да мужик, с остатками сена в нечесаных волосах, приведет за недоуздок хромую лошаденку.

Я переходил с одной стороны улицы на другую, прилежно перечитывая билетки ма воротях. Как назло, попадались все больше объявления об отдаче «углов», и я уже отчаялся в поисках, как вдруг, почти в конце улицы, на воротах двухэтажного, деревянного, выкрашенного в желтую краску дома, рядом с незатейливым изображением сапога, вырезанного из листа газетной бумаги, прочел следующее:

«Оддаеця комната снебилю и бес оной».

У ворот, закутанный в тулуп, из которого торчали только мутные глаза и сизый кончик носа, сидел старичок-дворник, кидая на меня косые, недоверчивые взгляды.

– В котором номере отдается комната? – спросил я.

– Комната? – флегматично переспросил он.

– Да.

– Да у сапожника, надо быть.

– А где же сапожник?

– Сапожник?.. Направо из ворот, во втором этаже.

Я вошел во двор и стал подниматься по ветхой и довольно пахучей деревянной лестнице. Навстречу вышла женщина с ведром помоев.

– Позвольте спросить, где тут сапожник? – обратился я к ней.

– А вон, напротив! Вам сапоги, што ль? Так его дома нет!

Я все-таки открыл дверь, обитую рогожей. Не совсем благовонным воздухом пахнуло на меня. К запаху кожи и клея примешивался специфический запах сырого жилья.

Передо мной в полумраке образовалась фигура молодой худощавой женщины в затрапезном капоте. В одной руке она держала ухват, а другой весьма энергично отстраняла ущевившегося за платье и ревившего благим матом ребенка.

– Чего вам?

– Комната... у вас отдается?

– Комната? Ш... ш... Ах ты, боже мой! Как же-с, как же, у нас! Пожалуйте! Танька, да возьми ты этого подлого! Пропасти на вас нет!

В кухню вбежала худенькая девочка лет семи и, схватив плачущего ребенка в охапку, оторвала от матери. Женщина бросила ухват, провела обеими руками по бедрам и повела меня через крохотный темный коридорчик.

Комнатка была не больше пяти шагов в длину, в одно окно, выходившее на крышу, с грязными, запятнанными, местами порванными обоями.

– Вот комнатка! Обои-то ребятишки порвали, муж после заклеит, а комнатка ничего, теплая!

Я подошел к окну, и когда обернулся, то подметил взгляд, которым она на меня смотрела. Этот взгляд был полон тоски и страха. Объяснив его боязнью, что мне не нравится комната, я почел своей обязанностью одобрительно промычать.

– Ну, а цена как? – спросил я.

– А-а-а! – ревел ребенок за тонкой дощатой перегородкой.

– Цена? Ш... ш... Танька, уйми ты его! Да что...

Я не расслышал и просил повторить.

– Танька, подлая, тебе говорят! С мебелью шесть рублей.

Только тут я догадался, что в комнате должна быть «мебель». И она была вся налицо: кровать из грубо сколоченных досок, пара табуретов и крошечный кухонный столик. Ясно, что комнату не трудно было сдать и без «оной»: стоило только перетащить все на чердак.

Заклучив, должно быть, по моему виду, что я не прочь снять комнату, женщина обрадовалась, как-то просияла вся и заговорила:

– Комната хорошая, теплая... Вам хорошо будет жить... У нас других жильцов, нет, только муж, да я, да дети!

– А много у вас детей?

– Ах, не беспокойтесь, пожалуйста, будет тихо! Сегодня вот мальчишка блажит, а то он спокойный. Трое их у меня: девочка да двое мальчиков. Девочка-то большая, она и приберет вам когда!

– Так вот вам покуда рубль, а вечером я перееду.

Получив рубль, женщина еще более просияла.

– Хорошо, хорошо, пожалуйста! Вечером? И отлично! А я тем временем пол вымою, паутину смету, приберу все как следует! Так вечером, милости просим! Не оступитесь, пожалуйста! Вон льду-то сколько на ступеньках! Держитесь за перила.

Последние слова она говорила мне в виде напутствия, стоя на площадке.

Я предостерег насчет простуды.

– Помилуйте! – совсем уже весело отвечала она. – Мы люди привычные! Что нам!

Как не трудно было мою новую комнату лишить мебели, так же одинаково не трудно было и мне переехать. Я взял под мышку тощий чемоданишко и, придя на новое пепелище, сунул его под кровать. Вот и все. Я переехал.

Ввиду желанья ознакомиться с новым местом я сажу на табурете перед окнами и, попивая чай, обязательно приготовленный мне хозяйкой, смотрю на соседнюю крышу. Белая, ровная поверхность пластом залегшего снега утомляет зрение. Вверху мутно-серое небо. Вот высоко пролетела ворона. Скучно! В квартире тишина.

«Блажной» ребенок успокоился, спит, должно быть. Сверчок верещит где-то за печкой. Слышно шуршанье какой-то материи, не то полотна, не то коленкора, и звяканье ножниц. Детский голос шепотом твердит: б-а – ба, в-а – ва.

В сенях хлопнула дверь, послышались тяжелые мужские шаги, и чей-то голос крикнул:

– Анафемы прокляты! Опять ведь сорвали! Лизавета!

– Тише, тише ты! – всполошилась хозяйка. – Это я сорвала!

– Сдала?

Голос мужчины сразу упал до полнейшего пианиссимо.

Затем послышался оживленный, сдержанный шепот. Судя по интонации, можно было предположить, что супруги были крайне довольны тем, что сдали комнату. И мир и тишина водворились над семейным очагом.

III

Я прожил неделю на новом пепелище, почти не видясь в хозяевами; мельком, из минутных встреч, удостоверился только, что хозяйка действительно женщина еще молодая, но настолько изнуренная, что казалась старше своих лет, и что хозяин тоже молодой человек, с испитым, чахлым лицом, украшенным жиденькой черной бородкой.

Я вставал очень рано, при свечке, умывался в кухне и тотчас же выходил из дому на целый день. Каждый раз, как мне приходилось проходить через кухню, я заставал в ней Лизавету Емельяновну (так звали хозяйку) в хлопотах около русской печки. Через отворенную дверь хозяйской комнаты, случалось, видал и хозяина, сидевшего у окна, спиной к дверям, и бойко постукивавшего молоточком.

При возвращении я заставал всех отходящими ко сну, почему дети никоим образом не могли беспокоить меня. Тем не менее хозяйка раза два или три спрашивала, не беспокоят ли ребятишки, и, получив отрицательный ответ, каждый раз горделиво улыбалась. Мне чрезвычайно нравилась эта улыбка. «Вот, – дескать, – не думай, что мы какие-нибудь; при всей бедности себя соблюдать умеем, и дети у нас не какие-нибудь сорванцы, – благодетельные!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.